

Нёрба М.Н., Александрова О.Н.

УДК 821.14'06-31"19"/"20"

ОБРАЗ «ДРУГОГО» В НОВОГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Работа посвящена актуальному на сегодняшний день в философии и литературоведении вопросу проблемы «другого» в новогреческой литературе на примере романа Мити Карагациса «Югерман». В исследовании поднимается проблема национальной самоидентификации, анализируется понятие «национальный характер»; исследуется термин «имагология»; рассматривается оппозиция «свои-чужие» на примере романов М. Карагациса

Ключевые слова: образ «другого», новогреческая литература, Митя Карагацис.

Анотація. Робота присвячена актуальному на сьогоднішній день питанню про образ «ішого» в новогрецькій літературі на прикладі твору Мити Карагациса «Югерман». У дослідженні аналізується авторська своєрідність трактування образу головного героя твору - офіцера Югермана - у творчості грецького письменника.

Ключові слова: образ «ішого», новогрецька література, Митя Карагацис.

Summary. The article by Alexandrova O. N. and Norba M. N. «The Image of the «Other» in the New Greek Literature » is devoted to the actual at present question about the image of the «other» in the new Greek literature using as an example the literary work by Mitya Karagatsis «Yugerman». The actuality of the work is in the fact that problems of the identity at the end of the XX century – beginning of the XXI century appeared to be in the very center of the public attention what have caused the interest to it from literary critics' side.

The main purpose of the article is to analyze the image of the «other» in the new Greek literature and in the literary works by M. Karagatsis. Along with it the authors fulfill such tasks: to consider the notion «national character»; to characterize the term «imagology»; to compare the opposition «our own people – alien ones».

In the research one analyzes the author's originality of the expression of the main character's image – military officer Yugerman's one – in the literary activities of the Greek writer.

Key words: the image of the «other», modern Greek literature, Mitya Karagatsis.

Актуальность работы в том, что проблемы идентичности в конце XX века – начале XXI оказались в самом центре общественного внимания, что вызвало интерес к ней со стороны литературных критиков. «Национализм, этноцентризм, расизм – призраки, казалось бы, давно исторгнутые из европейской души – вернулись с возросшей силой после полувекового сна... И как результат – глубокий кризис идентичности...» [1, с. 3]. Одни трактовки этнической идентичности во главу угла ставят общность по особой этнической культуре, языку, территории расселения, другие – этническое самосознание. Под этнической общностью понимается «группа людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности» [2, с. 230]. Что касается национальной общности, то, согласно одному из наиболее адекватных ее определений, «нация существует, когда значительное число людей в сообществе считают, что они образуют нацию, или же ведут себя так, как если бы они ее образовывали» [3, с. 5].

Новизна работы в том, что образ «другого» рассматривается на примере произведения новогреческой литературы «Югерман» (Γιούγκερμαν, 1938), автором которой является Митя Карагацис (Μίτια Καραγάτσης, 23.06.1908).

Основная **цель** статьи – рассмотреть образ «другого» в новогреческой литературе и в творчестве М. Карагациса. Данная цель обуславливает постановку следующих **задач**: проанализировать понятие «национальный характер»; охарактеризовать термин «имагология»; рассмотреть оппозицию «свои-чужие»; исследовать образ «другого» на примере произведения «Югерман».

В ходе исследования были использованы аналитический, сопоставительный **методы, метод** литературоведческого анализа.

Чувство общности опирается не только на мифы коллективной памяти, оно также базируется на категоризации/стереотипизации образов «Других» в обыденном сознании, в котором бытует представление о том, что народы, как индивиды, обладают набором устойчивых качеств.

В этой связи некоторые исследователи пытаются выделить черты, составляющие в своей совокупности структуру национального характера, описать психологический портрет того или иного народа и сравнить типические черты разных национальных характеров, хотя в последнее время в научной литературе это понятие используется все реже.

В исследовании межкультурного взаимодействия особое место занимает история знаковых для этой темы концептов, а также их современная интерпретация и деконструкция. Сегодня в междисциплинарном пространстве гуманитарного знания концепты «национальный характер», «национальный дух» или «национальное чувство» рассматриваются как социокультурные конструкты, имеющие вполне определенные пространственно-временные координаты и политико-идеологические импликации (включая актуальный в современном мире этнонационализм). Эти конструкты и их содержательно-функциональная историческая динамика располагают значительным когнитивным потенциалом не только для анализа дискурса «стихийного» этноцентризма и «наивной» компаративистики в имагологических исследованиях, но и в актуальных перспективах исторического изучения проблематики национализма и нациестроительства, а также исторической памяти и коллективных идентичностей. Не случайно понятие «национальный характер», фиксирующее эмпирически наблюдаемые различия, оценивается как более поддающийся операциональному определению синоним научного термина «психический облик» или «психический склад» нации [4, с. 165].

В большинстве определений понятия «национальный характер» обычно акцентируется его позитивно-содержательная основа: говорится о «совокупности определенных психологических черт, характерных для всех или большинства людей данной нации»; о «совокупности наиболее устойчивых, характерных для данной национальной общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакции на него»; о «совокупности наиболее устойчивых психологических качеств, сформированных у представителей нации в определенных природных, исторических, экономических и социально-культурных условиях ее развития»; о «совокупности внешних проявлений национального менталитета, наблюдаемых свойств представителей соответствующей общности, как правило, в сравнении и по контрасту с другими национальными общностями»; о «совокупности устойчивых психических особенностей и культурных атрибутов нации, которые зависят от всеобщей жизнедеятельности и условий жизни и проявляются в поступках»; о совокупности «однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний» и т.п. Все эти не отличающиеся точностью, новизной и разнообразием этнопсихологические дефиниции восходят к фроммовскому определению термина «социальный характер» как «совокупности черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни» [5, с. 230], т.е. благодаря общности социально-исторического опыта и культурного развития.

В мировой историографии репрезентации того или иного национального характера (как с позиций «Другого» в записках дипломатов, путешественников, туристов, журналистов, «гастарбайтеров» разных эпох и др. иностранцев, так и в моделях «самоописания») рассматриваются как неотъемлемая составляющая проблематики национальной идентичности. Так, например, когда в этом плане были подвергнуты детальному анализу идеи убежденных сторонников и радикальных критиков Британской империи в период ее наивысшей экспансии, то было установлено, что и те, и другие использовали язык «национального характера» для оправдания имперских устремлений. Одни утверждали, что национальный характер является решающим фактором превращения Британии в имперскую державу, и что ответственность за управление империей укрепляет нацию, другие считали имперское господство деструктивным для национального характера [6, с. 15].

Еще на рубеже 1960–70-х гг. И. С. Кон подчеркивал, что термин «национальный характер», впервые появившийся на уровне обыденного сознания в литературе о путешествиях, «не аналитический, а описательный» и, будучи призван «выразить специфику образа жизни того или иного народа», предполагает сравнение и фиксацию различий [7, с. 312].

Оригинальность его подхода состояла в понимании историчности национальной психологии, в том, «что те черты, которые воспринимаются как специфические особенности национального характера, определяются не природными способностями, а различием ценностных ориентаций, сформировавшихся вследствие определенных исторических условий и культурных влияний, как производные от истории и изменяющиеся вместе с нею <...> и в истории народа каждый этап исторического развития оставляет свои неизгладимые следы. Чем длиннее и сложнее путь, пройденный народом, чем больше качественно различных фаз он содержит, тем сложнее и противоречивее будет его национальный характер» [7, с. 318].

Сравнение и оценка незримо присутствует в любых этнических и национальных стереотипах, это различие оценок обусловлено различиями в перспективе, в историческом опыте, включая и опыт общения с представителями соответствующей этнической группы. Будучи особыми социальными группами, нации и народности складываются, а затем существуют в течение длительных исторических периодов, вырабатывая уникальный набор механизмов и моделей адаптации, которые призваны ориентировать их поведение и деятельность в контексте тех или иных обстоятельств. Такого рода группа определяется по преимуществу особенностями социально-исторического опыта, его культурной памятью.

В конце XX – начале XXI в. расширяется и концептуально насыщается междисциплинарное исследовательское пространство исторической имагологии, опирающейся на конкретно-исторический анализ коллективных представлений народов друг о друге, этнических, национальных, культурных авто- и гетеростереотипов, путей их формирования, способов функционирования и процессов трансформации в контексте отношений «мы – они», «свой – чужой». Историческая имагология, освоив историко-антропологический, социально-психологический и культурологический подходы, накопила значительный объем эмпирических исследований. В центре внимания оказались сложные процессы складывания этнических представлений и формирования национальной идентичности, создание устойчивого образа «своего», что неизбежно предполагает наличие противоположного образа «чужого», от которого и происходит своего рода «отталкивание». Для исследований исторически сложившихся стереотипных представлений о чужом национальном характере используются разножанровые тексты, позволяющие раскрыть языковую картину мира, произведения художественной литературы.

Утверждаются ключевые методологические принципы имагологической исследовательской программы: 1) необходимость учета психологической составляющей процесса формирования этнических представлений как смеси правды и фантазии, трезвого наблюдения и грубых заблуждений – предубеждений в отношении «Других» и завышенных самооценок – в контексте различных процессов, происходящих в различных сферах деятельности и внешних взаимосвязях социума в конкретные моменты его истории; 2) принцип отражения в образе другого народа сущностных черт собственной коллективной психологии, проецирование базовых идей, ценностей и представлений о самих себе, объективизация собственных пороков и формирование идентичности через отрицание негативных черт, приписываемых «Другим» (иногда, напротив, через «наделение» последних утраченными «Своими» добродетелями). Именно поэтому изучение индивидуальных и коллективных представлений о других народах (оставляя в стороне вопрос об

их соответствии реальности или ее искажении) открывает путь к проникновению в духовную жизнь того общества, в котором эти представления складываются и функционируют. Менее успешно реализуется принцип сочетания синхронического и диахронического подходов в историческом анализе коллективных представлений с императивом выявления происходящих в них изменений, а также дифференцированный подход к взаимоотражениям народов в разных социальных группах.

В отечественной историографии новый импульс имагологическим исследованиям был задан в 1990-е годы развитием исторической антропологии и истории ментальностей с ее обобщенным коллективным образом «культурно иного».

Важную роль в этом сыграли работы Л. З. Копелева. Важнейшие соображения по поводу изучения коллективных представлений, высказанные им в статье «Чужие», касались именно историчности и изменчивости последних: «Мы знаем, что люди как духовные и социальные существа во многих отношениях изменяются от эпохи к эпохе и даже от поколения к поколению. Меняются их представления о большом мире и их ближайшем окружении, меняются их отношения друг с другом и общества, к которым они принадлежат (народы, классы, конфессии и т. п.); меняются их обычаи, потребности и поведение, существенные и несущественные особенности их жизни и их сознания; приходят и уходят идеи и идеалы <...> Для оценки событий и проблем каждой эпохи и каждого общества необходимы особые критерии, особые мерилы. Но <...> это не должно мешать исследованию общих коллективных представлений людей различных поколений и различных наций, представлений либо унаследованных, либо вновь воскресших, устойчивых или изменчивых» [8, с. 10-11].

На рубеже XX–XXI вв. в России появился значительный корпус работ, посвященных взаимовосприятию отдельных народов, хотя в них нередко не хватает глубины темпоральной перспективы, недостаточно, на мой взгляд, разработан и вопрос о том, от чего зависят и как происходят изменения этого образа в историческом времени, отсутствует социально-групповая дифференциация тех или иных образов, не подвергается рефлексии противоречивость отдельных элементов этих образов и роль коллективных стереотипов, выступающих как своеобразные фильтры даже в ситуациях личного наблюдения и общения, недооценивается возможность любой тенденциозной интерпретации в зависимости от позиции автора изучаемого текста и ожиданий аудитории и т.д.

В этих работах речь идет не только о сложившихся в общественном сознании традиционных представлениях, усваиваемых индивидами, принадлежащими к данной культурной среде, но и о других источниках формирования этих представлений: «Образ “чужого” складывается задолго до реальной встречи с этим “чужим” в процессе соединения архетипических представлений с впечатлениями повседневной жизни <...> Затем эти впечатления, чаще всего непреодолимые, дополняются и развиваются сведениями, полученными из книг и от других людей».

«Встреча с другим», собственный опыт наблюдения и общения считается проверкой этих представлений, но при этом «чаще всего человек считает действительным и верным именно то, что он предполагал заранее и что нашло подтверждение при встрече с реальностью» [9, с. 9]. Этнический стереотип формирует психологическую установку на эмоционально-ценностное (чаще – негативное) восприятие «Чужого» и задает соответствующий алгоритм отбора и интерпретации фактов взаимодействия.

Эта линейная модель оставляет, однако, нерешенным целый ряд вопросов. Например, каким образом, с учетом «непреодолимой» устойчивости архетипов сознания, с одной стороны, образ «чужого» «легко, иногда за одну только ночь, превращается в образ “врага”» [10, с. 81], а с другой – как может происходить обратный процесс, и в целом – какова логика «общественных и личностных отношений, при которых система противостояния или сотрудничества приобретает подвижность». Ведь «сама эта система отношений и связанная с ней морально-этические нормы, правила поведения резко меняют свои знаки в ходе тяжелых, опасных политических игр, постоянной и ожесточенной борьбы за власть, территорию, выгоду» [11, с. 185]. Чтобы «установить, из каких реальных черт возник этот образ, насколько он соответствовал этим реальным чертам, до какой степени и как долго оставались релевантными возникшие представления и оценки, или же они остаются таковыми и поныне» [12, с. 100], необходимо реконструировать всесторонне и в мельчайших деталях историю этого образа, а точнее – историю коллективных представлений людей разных поколений, «представлений либо унаследованных, либо вновь воскресших, устойчивых или изменчивых», на протяжении столетий, и вообще – в максимально длительной временной перспективе.

Результаты конкретно-исторического анализа путей формирования, способов функционирования и процессов трансформации образов-представлений «я» и «другой», «мы» и «они», «свои» и «чужие», представленные в многочисленных публикациях, продемонстрировали условия и механизмы формирования образов «Другого», которые, будучи усвоены, ориентируют мышление индивида и определяют его поведение в конкретно-исторической ситуации в самых разнообразных ситуациях кросс-культурного диалога. То, что древнейшая система социальной категоризации – оппозиция «мы – они» («свои – чужие») является культурной универсалией, присуща самосознанию любого типа общности, играет решающую роль в ее консолидации, обладает мощным мобилизующим потенциалом и имеет фундаментальное значение для раскрытия специфики любой культуры, никем не оспаривается [13, с. 111]. Но в конфигурацию и соотношение «Своего», «Иного», «Чужого» новые исследования вносят заметные уточнения. Если «Чужой» находится как бы за внешней границей круга интересов сообщества, то «Другой» может быть фактически своим, но обладание определенными качествами или знаниями делает его культурно «Иным», социально «Чужим», или маргиналом. И, в то же время, «Другой» по национальной принадлежности может быть «Своим» по культурно-нравственным приоритетам.

Оппозиция «свои-чужие» складывается на разных уровнях. В обыденной жизни она возникает на основе коммуникативных критериев, подразумевающих возможность установления общения (языка, внешности, одежды, манер поведения) и восприятия внешних форм другой культуры. Но более глубокие контакты непосредственно затрагивают присущие каждой культуре картину мира, ценности, мировоззренческие установки: «В условиях развитого межнационального обмена преобладает система дифференцированных оценок, когда одни черты собственной этнической группы и ее культуры оцениваются положительно, а другие – отрицательно... люди в принципе способны критически отнестись к своей национальной культуре и положительно оценить что-то чужое» [7, с. 304].

Способность общества воспринимать и адаптировать к местным условиям экспортируемые нововведения, отвечающие современным потребностям, способствует его переходу к новому этапу развития.

Навязывание собирательного конфронтационного «образа врага» пропагандистскими структурами разного уровня и в разных формах облегчается наличием в глубинах обыденного сознания укорененного негативного стереотипа, некогда возникшего на основе неадекватного восприятия внешнего мира и всплывающего на поверхность в благоприятных для этого и намеренно усугубляемых обстоятельствах. Под воздействием массивной пропаганды сложившийся ранее позитивный или негативный образ может отойти в тень, но не исчезнуть. Сложную структуру, многослойность образов Другого, устойчивое бытование этноцентристских стереотипов, их подспудную сохранность, несмотря на изменения во взаимоотношениях стран и народов, их постоянную «мобилизационную готовность» отмечают многие исследователи. Справедливо подчеркивается, что часто даже в условиях массивной пропаганды и трансляции искусственно сконструированного ею образа врага (важно и указание на динамичность этого образа [14, с. 62]) существуют разные каналы восприятия (личный опыт непосредственных контактов, опосредованная информация, носители исторической памяти и т.д.).

Подводя итоги, целесообразно напомнить, что историческое содержание бинарных оппозиций «я – другой», «мы – они», «свой – чужой», связанных с процессами конструирования идентичности, имеет фундаментальное значение для раскрытия специфики формирующей их культуры и ее самосознания. Однако, формирование данных понятий – это динамичный социальный процесс, обусловленный не только их взаимным соотношением, но характером самой эпохи, а точнее – конкретной исторической ситуацией и вектором ее развития. Есть время складывания стереотипов, их укоренения в культуре, и время их разрушения и формирования новых стереотипов взаимного восприятия.

Весьма показателен образ «другого» на примере произведения «Югерман». Это третий роман Карагациса, входящий вместе с «Полковником Ляпкиным» (*Ο συνταγματάρχης Λιάγκιν*, 1933) и «Великой Химерой» (*Η Μεγάλη Χίμαρα*, 1953) в трилогию под общим названием «Освоение под Фебом» (*Ευκλιτισμός κάτω από τον Φοίβο*). Этим циклом писатель хотел отразить, как он сам говорил, трудности освоения чужеземца, изгнанника без корней на нашей земле.

Югерман, несомненно, представляет собой один из наиболее завершенных, динамичных и титанических образов романов Карагациса. Этот четко выписанный характер, который, несмотря на всю свою индивидуальность, представляет собой фигуру вселенского масштаба, приобретая, таким образом, архетипический размах своей волей к обретению силы, удовольствия и познания.

Югерман – «другой», чужой для греков. Он – финн, сперва обрусевший, затем эллинизовавшийся. Он бывший командир эскадрона, эмигрант, авантюрист, *bon vivant*. Однако, будучи «другим» в одном смысле, он приобретает «греческие» черты. После октябрьской революции и кратковременного пребывания проездом в Константинополе, оседает в Греции, где, начиная с нуля, в итоге превращается в одного из самых влиятельных дельцов страны. Грекам свойственна предприимчивость, поэтому благодаря этому качеству Югерман в некотором смысле становится «своим».

Карагацис очень многогранный писатель и как таковой он может много чего сказать. Глубинный смысл истории жизни Югермана как «другого» для греческого общества состоит в следующем: куда ведет труд, упорство, жертвы ради желтого металла, путь к вершине успеха любыми средствами, даже ценой крови? В романе прослеживается весь жизненный путь героя наверх, в круг магнатов, где царит безнравственность и обман. Чтобы достичь высот признания герой разнуздывает свои инстинкты, стремясь вывести их из-под самооценки. Он должен быть еще жестче, чем греческие дельцы, что более подчеркивает его образ как «другого». Василий Югерман доходит до дна ада, используя других людей и саркастически издеваясь над ними. «Начинаешь осознанно к себе относиться. Значит, уже не найдешь удовольствий», говорит он в какой-то момент [15, с. 142].

Только когда его охватывает истинное чувство любви к обедневшей и чахоточной Вуле Пападели, часть его существа начинает протестовать. Он понимает, насколько он стал «негативным другим» для окружающих его греков. В конце концов, проявляя полное безразличие ко всему, даже к своим богатствам, он доходит до того, что приходит каждый день на могилу Вулы, чтобы взглянуть в лицо смерти и найти в себе лучшее. Такое поведение не свойственно «нормальным» людям, то есть грекам. Оно больше подходит для не-греков, других по национальности мужчин и женщин. Роман трактует ситуации, в которых оказывается и современный человек, живущий в даже еще более агрессивном обществе, хотя, по сути, разница между ними не такая уж и большая. В этом и состоит интерес произведения – в трактовке вечных первородных инстинктов человека, которые по-разному выражаются у «своих», живущих на своей земле, и приезжих, «других», которые пришли из далеких краев, чтобы приспособиться к новым условиям жизни.

Источники и литература

1. Geary P. J. The Myth of Nations. The Medieval Origins of Europe / Geary Patrick J. – Princeton; Oxford, 2003. – 327 p.
2. Тишков В. А. Этнология и политика / Валерий Александрович Тишков. – М. : Высш. шк., 2001. – 436 с.
3. Seton-Watson H. Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism / Hugh Seton-Watson. – Boulder, 1977. – 387 p.
4. Андреева Г. М. Социальная психология / Галина Михайловна Андреева. – М. : Наука, 1997. – 351 с.
5. Фромм Э. Бегство от свободы / Эрих Фромм. – М. : Наука, 1987. – 289 с.
6. Langford P. Englishness Identified: Manners and Character, 1650–1850 / Langford Paul. – Oxford : O.U.P., 2000. – 217 p.
7. Кон И. С. Социологическая психология / Игорь Семенович Кон. – Воронеж, 1999. – 457 с.
8. Копелев Л. З. Чужие / Лев Зиновьевич Копелев // Одиссей. Человек в истории. 1993: Образ «Другого» в культуре. – М. : Наука, 1994. – С. 10-17.
9. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.) / Светалана Валериановна Оболенская. – М. : Наука, 2000. – 351 с.
10. Драбкин Я. С. О Копелеве в жизни и творчестве / Яков Самойлович Драбкин // Лев Копелев и его «Вуппертальский проект»: [под ред. Я. С. Драбкина]. – М. : Наука, 2002. – С. 80-93.
11. Сванидзе А. А. «Свой» и «чужой» в процессе общественных игр / Аделаида Анатольевна Сванидзе // От Средних веков к Возрождению. – СПб.: Философ, 2003. – С. 185-199.
12. Копелев Л. З. Образ «чужого» в истории и современности / Лев Зиновьевич Копелев // Лев Копелев и его «Вуппертальский проект»: [под ред. Я. С. Драбкина]. – М. : Наука, 2002. – С. 94-120.
13. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история / Борис Федорович Поршнев. – М. : Высш. шк., 1979. – 431 с.
14. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) / Александр Спартакович Сенявский, Елена Спартаковна Сенявская // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: История России. – 2006. – № 2 (6). – С. 62-69.
15. Карагацис М. Югерман / Карагацис М. – М.: Заруб. лит-ра, 1985. – 373 с.

Паламарчук А.И., Назаревская М.П.**УДК 811.124'02:008:378.147+34****КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА
В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА)**

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о новых подходах к преподаванию классического латинского языка в высших учебных заведениях. Предметом рассмотрения данного исследования является грамматический и лексический материал по предмету «Латинский язык» на юридическом факультете. Особое внимание уделяется культурологическому аспекту преподавания латинского языка, а также использованию компьютерных технологий в учебном процессе.*

***Ключевые слова:** преподавание классической латыни, культурологический аспект, компьютерные технологии.*

***Анотація.** У статті розглядається питання про нові підходи до викладання латинської класичної мови у вищих навчальних закладах. Предметом розгляду даного дослідження є граматичний та лексичний матеріал по предмету «Латинська мова» на юридичному факультеті. Основна мета - акцентування уваги на культурологічному аспекті викладання латинської мови та використанні комп'ютерних технологій у навчальному процесі.*

***Ключові слова:** викладання класичної латинської мови, культурологічний аспект, комп'ютерні технології.*

***Summary.** In this article the author considers the question of new approaches to the teaching of classic latin language in higher educational establishments. The subject of this research is grammatical and lexical material of the subject "Latin Language" at the department of law. Particular attention is given to the culturalological aspect of teaching latin language. The importance of studying cultural and historical peculiarities of Ancient Rome connected with literary monuments and reflected in Latin language texts is indicated. The urgency of computer technologies use in the process of studying indicated as well. Such technologies help to intensify the process of studying and carries out access to modern and high-quality language product.*

***Key words:** the classic Latin language instruction, cultural aspect, computer technology*

Методологической базой для написания статьи являются монографии, труды, критические статьи по методике преподавания классических языков известных отечественных и зарубежных ученых, таких как А. Эрну, В.В Воробьев, Ю. Ф. Шульц, Е.М. Верещагин, В.Г Костомаров, Н.Л. Кацман.

Цель статьи: определить актуальность культурологического подхода к обучению латинскому языку на юридическом факультете.

Латинский язык – это язык римского права. Те нормы и принципы, которые разработали и сформулировали римские *iuris prudentes* (мудрецы права, юристы) почти два тысячелетия назад, стали основой современного правового мышления. Свойственные латинскому языку краткость, содержательность, точность, выразительность воспроизводятся в латинских юридических изречениях – этих изящных конструкциях античного интеллекта [1, с. 3].